

ПОЯВЛЕНИЕ ПОДКОВЫ В СОСТАВЕ КОНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ ДЛЯ БОЕВОГО ВЕРХОВОГО КОНЯ У ОСЕТИН

Багаев А.Б.¹

¹ФГБУН Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований ВШЦ РАН и РСО-А, г. Владикавказ, Россия (362040, Владикавказ, Проспект Мира 10, e-mail: soigsi.ru

При комплексном исследовании военной культуры осетин невозможно обойти вопросы, связанные с конским снаряжением, одним из важных предметов которого является подкова. В отличие от других предметов конского убора подкова менее изучена, между тем, она может играть важную роль при рассмотрении и освещении некоторых вопросов развития коневодства и конского снаряжения. До настоящего времени в исторической и этнографической литературе по народам Кавказа существует мнение, что с ковкой лошадей горцы вообще и, в частности, осетины познакомились лишь на рубеже XIX и XX веков. Данное исследование посвящено более подробному и глубокому исследованию этой проблемы. Более пристальное рассмотрение уже существующих источников, и привлечение новых материалов позволяет посмотреть на эту проблему по-другому. В работе обобщен доступный на сегодняшний день материал по исследуемому вопросу. Опираясь на археологические находки, а также проанализировав данные осетинской литературы конца XIX в., фольклорный и лингвистический материал, автором выявлено время появления подковы в составе конского снаряжения у осетин.

Ключевые слова: военная культура осетин, подкова, конское снаряжение, осетинская лошадь.

APPEARANCE OF A HORSESHOE AS PART OF HORSE HARNESS FOR A STEED AMONG OSSETIANS

Bagaev A.B.

¹Federal State Budget Institution of Science North Ossetik Institut of Humanities and Social Studies after V.I. Abaev of the Vladikavkaz Sciences Centr of the Russia Sciences Academy and the Government of North Ossetia - Alania (362040, Vladikavkaz, Prospekt Mira 10), e-mail: soigsi.ru

In a complex study of military culture of the Ossetians it is impossible to avoid the issues related to horse harness, the horseshoe being one of important items. Unlike other items of horse harness, a horseshoe is less studied; meanwhile, it can play an important role in reviewing and highlighting some issues of horse breeding and horse harness development. So far in the historical and ethnographic literature devoted to the peoples of the Caucasus there was an opinion that the highlanders, in general, and the Ossetians, in particular, got to know about horseshoeing at the turn of the XIX and XX centuries. This study focuses on a more detailed and in-depth research of this issue. Closer study of the existing sources and attraction of new materials allows looking at the issue in a different way. The paper summarizes the currently available material on the subject. Relying on archaeological findings, as well as having analyzed the data from the Ossetian literature of the late XIX century, folklore and linguistic materials, the author identified the time of appearance of a horseshoe as a part of horse harness among the Ossetians.

Keywords: Ossetian military culture, horseshoe, horse harness, Ossetian horse.

Введение

В военной культуре осетин во все времена важную роль играла лошадь. Эффективное использование коня в военном деле немислимо было без качественного и соответствующего эпохе конского снаряжения. Поэтому при изучении истории использования боевого верхового коня в военном деле обязательно исследование предметов конского снаряжения. Одним из важных составляющих конского убора является подкова. Актуальность исследования определяется тем, что в отличие от других предметов конского убора, подкова на осетинском материале слабо изучена. Однако при рассмотрении вопросов использования

лошади в военном деле вопрос о времени появления подковы в составе конского снаряжения приобретает большую значимость. Исследование его позволит определить тенденции в развитии конского снаряжения, боевого использования лошади и, в целом, коневодства у осетин.

Целью исследования является определение времени появления подковы в составе конского снаряжения для боевого верхового коня у осетин.

Материалом исследования послужили археологические находки, этнографические, фольклорные, литературные и лингвистические материалы, связанные с подковой. Исследование выполнено в рамках междисциплинарного подхода.

Обсуждение результатов исследования

С тех пор как лошадь начала использоваться в хозяйственных и военных целях, люди стремились как-то решить вопрос о том, как уберечь роговой покров копыта от изнашивания и повреждений. При вольном передвижении, то есть когда лошадь перемещается только по собственной воле, роговой башмак копыта от взаимодействия с грунтом изнашивается настолько же, насколько он и отрастает. Поэтому у неиспользуемой в человеческой деятельности лошади копыта не изнашиваются. Используемая же в жизнедеятельности людей лошадь вынуждена двигаться гораздо больше и интенсивнее. Это приводит к различным повреждениям рогового башмака, основное из которых заключается в сильном изнашивании подошвенной части копыта. Это ведет к травмированию чувствительных частей копыта, что может привести к хромоте и в конечном итоге к выведению на определенное время лошади из строя. Именно по этой причине в древности и средневековье при выборе боевого верхового коня особенное внимание уделялось твердости или прочности рогового покрытия копыта. Однако даже крепкие копыта во время больших и дальних переходов были подвержены изнашиванию, а иногда и обламыванию.

В период античности были изобретены различные приспособления для предохранения рогового башмака от изнашиваний. Они имели различную форму и изготовлялись из разных материалов: лыка, кожи, металла и т. п. Приспособления для защиты копыт крепились к ногам лошади с помощью веревок или кожаных ремешков.

По мнению большинства исследователей, более надежная защита подошвенной части копыта – подкова, была изобретена в раннем средневековье. Она крепилась к копыту при помощи специальных гвоздей, которые принято называть ухналями. С течением времени подкова получила широкое распространение. Как и все предметы конского снаряжения, она, со времени изобретения до настоящего времени, постепенно совершенствуясь, претерпела определенные изменения. Обнаруженные археологами подковы делятся на несколько типов.

Различались они и в зависимости от предназначения лошади: для верховых использовали одни, для упряжных – другие.

Лошадей подвергали ковке не только для защиты рогового покрытия копыт, но и для придания им большей устойчивости. В особенности в целях предотвращения скольжения зимой на льду или в период распутицы. Для этого использовались подковы, на нижней поверхности которых имелись выступы, часто называемые шипами.

Подкова использовалась и в лечебных целях. Как известно, при рождении не все жеребята имеют правильные копыта, с помощьюковки этот недостаток можно исправить. При различных заболеваниях рогового покрытия копыт использование подков способствует тому, что лошадь становится пригодной для употребления в хозяйственной жизни.

Время появления практики подковывания лошадей у некоторых европейских народов подтверждается данными исторических источников, относящихся к VII – IX вв., а с XIII века ковка коней получила распространение повсеместно в Западной Европе. Лошади средневековых рыцарей, предназначенные для использования под тяжеловооруженным всадником, часто и сами имевшие защитный доспех, безусловно, нуждались в средствах предохранения копыт. Вероятно, именно этим объясняется распространениековки коней в средневековой Европе, получившее со временем более широкое распространение. Правильная ковка повышала долговечность копыт лошади, что, в свою очередь, увеличивало ее работоспособность.

Определение времени появления подковы в конском снаряжении у осетин вопрос сложный. Доступные нам письменные источники свидетельствуют о том, что в XIX в. осетины не подковывали своих лошадей. Так, по свидетельству Ю. Клапрота: «Лошади осетин не велики, но ноги их настолько сильны, что нет надобности их подковывать, несмотря на то, что они постоянно ходят по камням; они превосходны для переходов через горы, очень выносливы и, когда могут твердо поставить ногу, никогда не скользят» [7, с. 173]. Данное сообщение свидетельствует о превосходном качестве копыт осетинской лошади.

В самом конце XIX века российский историк и археолог графиня П.С. Уварова, побывавшая в разных ущельях Северной Осетии, в работе «Путевые заметки» отмечала, что осетины «лошадей, несмотря на тяжелые переезды по каменистой почве, никогда не куют» [10, с. 16].

Известный этнолог Б.А. Калоев в работе «Скотоводство народов Северного Кавказа» высказал следующее мнение: «У горцев не было принято подковывать лошадей. Только на рубеже веков (конец XIX – начало XX вв. – А.Б.), когда лошадь стали впрягать в арбу и другие виды гужевого транспорта, ее стали подковывать, заимствуя эту норму у соседнего

русского населения» [6, с. 73]. Это положение утвердилось в кавказоведении и считается очевидным. Мы также в прошлом склонялись к этому мнению [2, с. 14; 3, с. 114]. Казалось бы в вопросе о появлении подковы в конском снаряжении осетин все предельно ясно и понятно.

Однако находки подков в раннесредневековых погребениях на территории Северной Осетии, анализ текстов осетинской литературы и фольклора, а также данные лингвистики по рассматриваемому вопросу противоречат устоявшемуся мнению о времени появления подковы в составе конского снаряжения у осетин.

Первоначально мы рассмотрим этнографическое сообщение побывавшего в Осетии в конце XIX в. венгерского путешественника графа Е. Зичи: «Курдалагон – кузнец рая, о котором существует много легенд; он подковывает лошадей мертвых» [5, с. 289]. Наличие функции коваля у покровителя кузнечного дела может свидетельствовать лишь о том, что осетины были знакомы с ковкой коней уже в XIX в.

Фольклорные тексты отражают наличие подковы в конском снаряжении осетин в XIX в. Так, в нартовском сказании «Безымянный сын Урузмага», опубликованном в Сборнике сведений о кавказских горцах в 1871 году, есть следующий пассаж: «...мальчик пошел и велел подковать коня подковами назад» [8, с. 23]. По сообщению записавшего рассматриваемое сказание Дж. Шанаева, оно относилось к числу наиболее известных и любимых у осетин в XIX в. Упоминание в тексте подковы свидетельствует о том, что осетины были хорошо знакомы с этим изделием, как минимум на момент фиксации рассматриваемого сказания, которое произошло во второй половине XIX века.

Другой фольклорный текст, в котором упоминается подкова, – это старинная осетинская (дигорская) песня – Тарион Тулабег, записанная М. Гарданти в прозе. В тексте песни есть следующие строки: «Храмой Дохчико достал из железных ворот Кануковых один гвоздь; из него он сделал для своего коня гвозди на подкову и постучал в могилу отца: «Исполнил твое завещание, из железных ворот Кануковых я сделал четыре подковы для своего коня; пусть за гробом об этом не беспокоится больше твое сердце» [4, с. 116]. Данный паспортизированный фольклорный текст также является надежным свидетельством бытования у осетин подковы в XIX в., так как он был записан М. Гарданти в Дигорском ущелье в селении Донифарс со слов стариков-сказителей в конце XIX в.

Мы находим свидетельства бытования подковы у осетин и в малых фольклорных жанрах. Если в пословицах и поговорках сохранилось представление, видение мира отношений между людьми, нравственных ценностей и оценок, то в загадках сохраняется представление и видение окружающего предметного мира. В осетинской загадке подкова

описана так: *Уыцы дзабыртæ Куырдалагонь конд сты / Эту обувь Курдалагон сделал* [12, с. 36].

Сведения о наличии в составе конского снаряжения у осетин подковы имеются и в осетинской художественной литературе. В поэме К.Л. Хетагурова «Уæлмæрдты» («На кладбище»), написанной в конце XIX века, есть такие строки: *«Арвы Курдалагонмæ иу ай схæцца кæ! Болат æндонай дын скæндзæн йæ цафхæдтæ, болат зæгæлтæй фидар йæ сæфтджыты стæгмæ куы ныссадза...»* / «отведи его к небесному Курдалагону, из булатной стали изготовит он для него подковы, булатные ухнали крепко когда он к копытному рогу прикрепит...» [11, с. 118]. Приведенные строки являются отражением осетинской действительности XIX в. В произведении «Уæлмæрдты» («На кладбище») поэтически отражен обряд посвящения коня, который в прошлом являлся важным элементом погребальной обрядности осетин. Разумно было бы предположить, что если бы в осетинской действительности XIX в. не имела место практика ковки лошадей, то в конце XIX века осетинский классик не написал бы вышеприведенных строк.

Важным источником по рассматриваемой проблеме являются данные археологии. На сегодняшний день подков, которые можно было бы связать с осетинами или их предками, среди археологических находок немного. Мы располагаем лишь несколькими изделиями, обнаруженными П.С. Уваровой в конце XIX в. Наиболее ранние из них были обнаружены ею во время раскопок в ущелье реки Карцадон. П.С. Уварова описывает их следующим образом: «подковы железные, находимые в Корца, напоминают в более легких формах те, которые употребляются в наше время» [9, с. 180]. Они действительно напоминают привычные для нашего взора поздние подковы. Карцадонские подковы имеют вид узкой, можно сказать, изящной пластины с ровными краями. На поверхности пластины несколько шипов, тот, который расположен в зацепной части, больше остальных. Он имеет форму приплюснутой пирамиды, в то время как шипы, расположенные на концах ветвей, выполнены в форме правильной пирамидки. Величина их гораздо меньше, чем у зацепного шипа. Кроме описанных, на каждой ветви есть еще по одному шипу. Они выкованы с поверхности самой пластины в форме плоских выступов, продолговатое острие которых располагается параллельно ветви подковы. Отверстия для подковных гвоздей не просматриваются. Обнаруженный в карцадонских погребениях археологический материал П.С. Уваровой датируется VI – VII вв. н.э. [9, с. 180]. Таким образом, находившиеся в карцадонских погребениях экземпляры являются одними из ранних находок подков.

Другие подковы были обнаружены П.С. Уваровой во время раскопок катакомбных могильников в окрестностях осетинского селения Чми, расположенного по Военно-Грузинской дороге. Подковы эти плохой сохранности сильно повреждены коррозией [9, с.

121]. Они имеют вид узкой пластины с ровными краями. Концы ветвей чмийских подков загнуты под углом таким образом, что образуют задние шипы. Вследствие сильной коррозии, отверстия для подковных гвоздей практически не просматриваются. Подковы из Чмийских катакомбных погребений разного размера, но по конструкции они относятся к одному типу.

Еще несколько подков были раскопаны П.С. Уваровой недалеко от селения Камунта в Дигорском ущелье Северной Осетии. Эти экземпляры по конструкции аналогичны обнаруженным в ущелье реки Карцадон. Отличались они лишь весом и размером. Камунтские подковы крупнее и тяжелее карцадонских. (глубина 15см, ширина 9см). Археологический материал из могильников селения Камунта (так же, впрочем, как и катакомбные погребения, в окрестностях селения Чми), по мнению П.С. Уваровой, относится к VIII – XIII вв. н.э. [9, с. 304].

Подковы, обнаруженные археологической экспедицией во главе с П. С. Уваровой в могильниках на территории РСО – Алании, могли принадлежать только верховым коням. Так как, согласно представлениям осетин и их предков, для обряда посвящения коня покойнику *«бахфалдисын»* обязательно использовался скакун. У осетин существует пословица *«Бах адзафхадай ничи фалдисы»* / Коня без подковы никто не посвящает покойному. Как видим, наличие подков у лошади, предназначавшейся для посвящения, было обязательным.

Наличие на всех подковах, обнаруженных П.С. Уваровой в Осетии, шипов, в особенности на образце из ущелья Карцадона, свидетельствует о том, что они применялись не только для предохранения от истирания копытного рога, но и должны были способствовать предотвращению скольжения лошади.

Ценные сведения, касающиеся рассматриваемой проблемы, мы находим в осетинской лексике. Наличие оригинального термина в осетинском языке для обозначения подковы – *цафхад* – явное свидетельство бытования этого предмета у осетин. Есть в осетинском языке и понятие для неподкованной лошади *адзафхад* – неподкованный. Интересно, что у многих соседних народов для обозначения понятия подкова употребляется заимствованный арабский термин *нал*. Осетинский же термин для обозначения подковы *цафхад* оригинальный. По мнению В.И. Абаева, этимология рассматриваемого слова восходит к *цагфад*, представляющее очевидное сложение из *цаг* «кольцо», «скоба» и *фад* «нога». Порядок составных частей данного слова отличается от современного – *фатзаг* (первый член стоит в падежной зависимости от второго). Однако необычный порядок частей в *цагфад* не является исключением и поддерживается рядом слов. Это позволяет говорить о том, что в прошлом такой порядок сложения слов для осетинского языка был обычным.

Древность коневодства и кузнечного дела у осетин свидетельствует в пользу того, что термин *цафхад* – весьма старое слово [1, с. 295]. Таким образом, первоначальное значение подковы в осетинском языке – скоба или кольцо для ноги (ступни).

Выводы

Таким образом, существующая точка зрения о том, что подкова появилась у осетин на рубеже XIX – XX вв., не соответствует действительности. Данные, извлеченные из осетинской художественной литературы конца XIX века, из фольклорных текстов, зафиксированных в то же время, однозначно свидетельствуют о бытовании у осетин подковы в XIX веке. О давнем использовании подковы свидетельствует наличие в осетинском языке оригинального термина для обозначения подковы. Суть в том, что он не является заимствованным, а относится к исконному иранскому фонду. Археологический материал по рассматриваемой проблеме, несмотря на свою ограниченность, является наиболее важным для определения времени появления подковы у осетин. Наиболее ранние экземпляры подков, обнаруженные в Осетии в аланских погребениях, датируются VI – VII вв. н.э., что является веским доказательством того, что ковка лошадей была известна осетинам с раннего средневековья.

Список литературы

1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т.1. – М.–Л.: Издательство АН СССР. 1958. – 665 с.
2. Багаев А.Б. Военное дело Осетии XV – XIX вв.: Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. – Владикавказ. 2009.– 215 с.
3. Багаев А.Б. Военное дело осетин XV – XIX вв. – Владикавказ, 2011. – 215 с.
4. Дигорское народное творчество в записи М. Гарданти // Памятники народного творчества осетин. – Вып. II. – Владикавказ, 1927 – 158 с.
5. Зичи Е. Путешествие по Кавказу и Центральной Азии // Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII – XIX вв.). – Орджоникидзе, 1967. – С. 283-297.
6. Калоев Б.А. Скотоводство народов северного Кавказа с древнейших времен до начала XX века. – М.: Наука. 1993. – 231 с.
7. Клапрот Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807 – 1808 гг. // Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII – XIX вв.). – Орджоникидзе, 1967. – С. 105-180.
8. Народные сказания кавказских горцев // Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис, 1871. – С. 1-71.

9. Уварова П.С. Могильники северного Кавказа // Материалы по археологии Кавказа. – Вып. VIII. – М., 1900. – 381 с.
10. Уварова П.С. Путевые заметки. Кавказ. – Т. I. – М., 1887. – 326 с.
11. Хетагуров К.Л. Полное собрание сочинений в пяти томах. – Т. I. – Владикавказ, 1999. – 486 с.
12. Цаллагова И.Н. Паремии осетинского языка: Язык осетинской загадки. – Владикавказ, 2010. – 230 с.

Рецензенты:

Чибиров Л.А., д.и.н., профессор, заведующий отделом этнологии ФГБУН Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНИЦ РАН и Правительства РСО-Алания, г. Владикавказ.

Гутнов Ф.Х., д.и.н., заведующий отделом источниковедения ФГБУН Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНИЦ РАН и Правительства РСО-Алания, г. Владикавказ.